

Новость

Я проснулась от того, что за окном кричали. Кричащих было двое: соседский петух и Бабушка. Причем Бабушка кричала громче. Я выглянула в окно и увидела знакомую картину.

Бабушка стояла у забора и была похожа на римского легионера, который подошел к стенам врага. Для полной победы ей не хватало только доспехов. По другую сторону металлической изгороди стояла соседка Наташа, скрестив руки на груди. Из-за ее спины выглядывали две светлые головы ее старших мальчишек, Вовки и Антоши.

— Ваш петух не дает спать моему ребенку! — негодовала Бабушка. — Если вы не уговорите эту безумную птицу, я сама сварю из нее суп!

— Только попробуйте, — ответила ей Наташа ледяным голосом. — И от ваших яблонь не останется даже огрызка!

Моя Бабушка — самая добрая бабушка в мире. Но у нее есть один заклятый враг: соседский петух.

Все началось в прошлом году, когда пустовавший участок рядом с нашим домом выставили на продажу и у нас появился сосед.

Сосед сразу же принялся строить на этом участке дом. Причем строил он его под музыку. Мало нам было шума от его бензопилы и бетономешалки, так он еще включал радио на полную мощность. От такой музыкальной программы у мамы болела голова.

А когда дом был построен, сосед перевез в него всю свою большую семью: жену, четырех мальчишек, собаку, двух котов, кур и петуха.

С мальчиками я подружилась. Они звали меня погонять в салки на нашей улице, а я угощала их Дедушкиной малиной — просовывала им ягоды прямо через металлическую сетку забора. Соседская собака сидела на привязи и нам не мешала. Один из котов, правда, по вечерам забирался на дерево и начинал выть. Но довольно скоро собаке это надоедало, она поднимала лай, и кота будто ветром сдувало.

Но вот с петухом не могли справиться ни собака, ни коты, ни даже моя Бабушка.

Он просыпался раньше всех других петухов в Ласковом и орал так, как будто его сейчас пустят на жаркое. Дедушка говорил, что петухи реагируют на встроенные в них биологические часы, так вот часы этого петуха явно поломались. Иногда он начинал кукарекать, когда мы еще только ложились спать, иногда он голосил всю ночь напролет.

Больше всего из-за петуха переживала Бабушка. Она поднимала руки к небу и причитала:

— Этот петух будит мне ребенка!

— Так больше не может продолжаться!

— За какие грехи нам достались соседи с таким петухом?

Маме очень понравилось это Бабушкино высказывание, и она так и стала называть наших соседей — Грехами.

— У Грехов все еще горит свет?

— Грехи уехали рано утром.

— Когда уже Грехи сварят из этого петуха бульон?

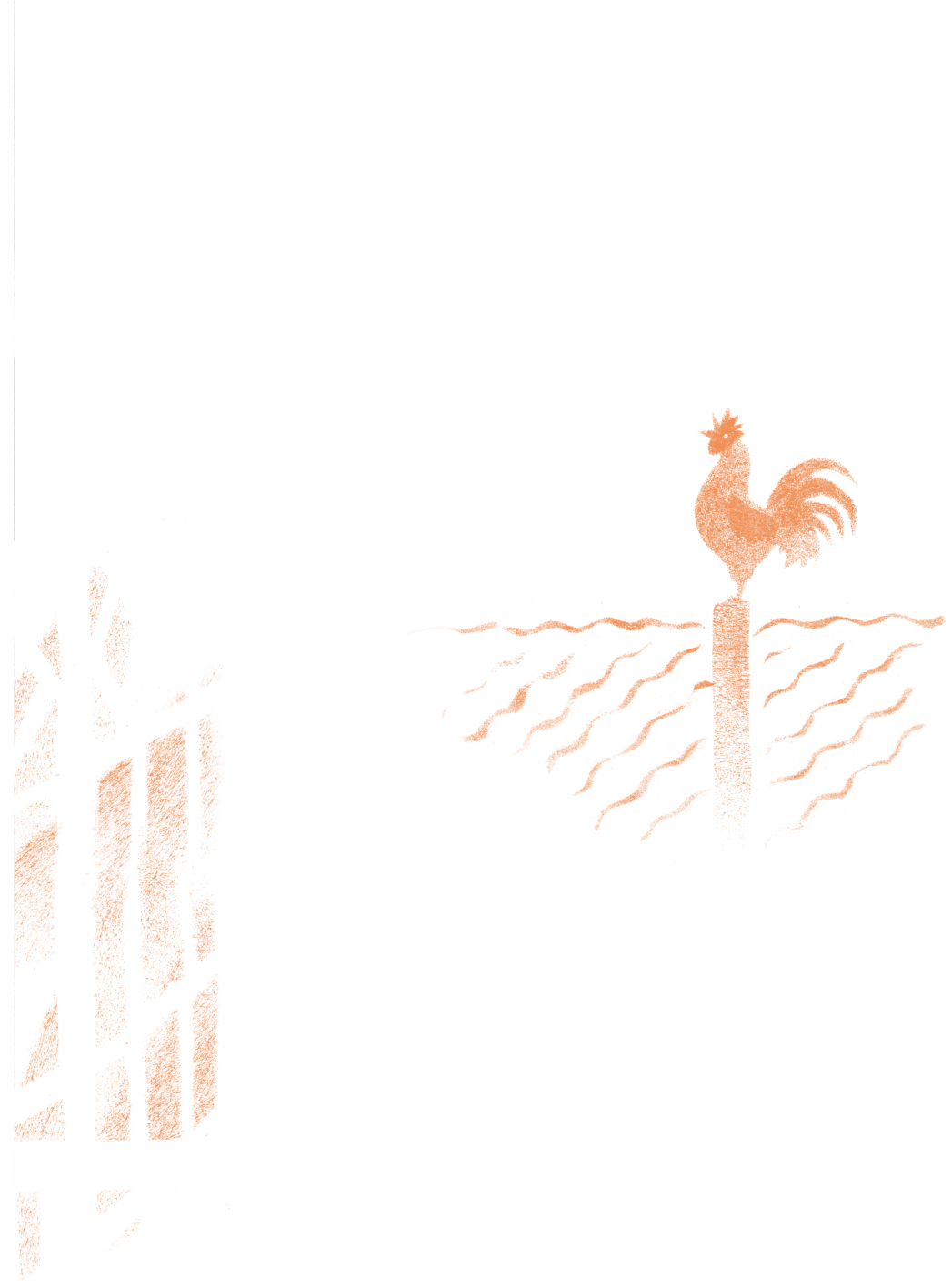
И вот из-за этого петуха Бабушка в очередной раз ругалась с соседкой.

Ситуация накалялась. К забору прибежал Дедушка. Он был в спортивном костюме, потому что как раз занимался йогой. Дедушка попытался оттащить Бабушку с поля брани, но у ничего не вышло. Во-первых, Бабушка была гораздо крупнее Дедушки, а во-вторых, когда она входила в раж, то к ней и вовсе приходила исполинская сила.

Вскоре на улицу выбежала мама в ночной рубашке и со всклокоченными со сна волосами.

— Татьяна Борисовна, у вас сейчас опять подскочит давление. Вам нельзя волноваться.

— Конечно подскочит! — ничуть не успокоилась Бабушка. — Как тут не подскочить, когда ребенку не дают спать.

Наконец прискакал папа, пытаясь на бегу вдеть ногу в штанину джинсов. Спасти всех нас теперь мог только он.

— Мам, — сказал папа как ни в чем не бывало, как будто мы не стояли на пороге кровавой междоусобной войны. — Аня проснулась. Она очень голодная — вчера плохо поужинала. Просит оладушки.

— Боже мой! Бедняжка! — И Бабушку сдуло на кухню, так же как с дерева сдувало соседского кота.

В тот день мы ждали гостей — Рыжих. Марина, Дима и их сын Андрюша — наши лучшие друзья. Мы так называем их, потому что они и вправду рыжие — с головы до ног.

Мама училась с Мариной и Димой в институте, в одной группе. А потом мы с Андрюшей тоже учились в одной группе — в группе «Подсолнухи» детского сада номер 26.

Рыжие еще никогда не были в Ласковом, и мне не терпелось показать Андрюше все мое летнее царство: и лес, и озеро, и как какают коровы. А еще мы собирались построить из лего самую высокую башню в мире.

Поэтому после завтрака (ради спасения всех нас мне пришлось съесть очень много Бабушкиных оладий) я уселась на ковре в гостиной, чтобы разобраться к приезду Андрюши лего. На стене надо мной висели огромные олени рога, которые Дедушке с Бабушкой подарили друзья. Папе эти рога очень не нравятся, и он все порывается избавиться от

них, как Оля от Лешиных красных штанов, но пока безуспешно.

Я взяла плетеную корзину, в которой хранился конструктор, и вывалила ее на ковер. Получилась огромная лужа из лего. Чего здесь только не было: кирпичики всех форм, цветов и размеров, машины, колеса, ковш от бульдозера, головы человечков и их головные уборы, железная дорога, рыбы, водоросли, пропеллер от вертолета. А также заколки, несколько монет, засохший яблочный огрызок и Дедушкина рулетка, которую он уже давно искал.

— Ничего себе. — Ко мне подошла мама. — Ты затеяла генеральную уборку?

— Затееяла, но что-то у меня пропало вдохновение. Мама посмотрела на меня как-то странно.

— Анюта, нам нужно поговорить.

— Хорошо, ты говори, — а я буду складывать все это обратно в корзину, — по-деловому предложила я.

— Нет-нет, это важное дело, — сказала мама и покосилась на рога, как будто опасалась, что они станут подслушивать наш разговор. — Пошли на улицу, папа там.

Мы вышли во двор и сели на скамейку, которую недавно соорудил Дедушка. От нее еще пахло свежим деревом и лаком — это я помогала ему ее покрывать.

Мама с папой переглядывались и заметно нервничали. Мама все никак не могла выбрать удобной позы для разговора.

Сначала она посадила меня к себе на колени. Она обняла меня, поцеловала в макушку, потом

наклонила голову и заглянула мне в лицо. Затем она зачем-то пересадила меня на колени к папе, а сама присела перед нами на траву и взяла меня за руку. Другую мою руку взял папа.

— Анюта, — сказала мама. — Мы с папой хотим сказать тебе что-то важное.

Та-а-а-а-ак.... Вот тут уже занервничала я.

Последний раз, когда они хотели сказать мне что-то важное, ничем хорошим это не закончилось. У меня обнаружилось воспаление легких, и мы с мамой загремели на неделю в больницу. Приятного там было мало: капельницы, таблетки, белые халаты. Но сейчас-то у меня не было температуры и ничего не болело...

Тем временем мама продолжала. Она говорила про то, что в школе меня очень хвалят, что я очень способная и умная и все схватываю на лету. И что мама с папой тоже любят учиться, и, хотя они уже окончили университет, когда меня еще не было с ними, они бы хотели поучиться еще.

Пока что все выглядело не так уж и плохо. У меня складывалось впечатление, что в больницу мы не едем. И на том спасибо...

Так вот, говорила мама, они с папой поступили в один из самых лучших университетов на свете. Этот университет находится в Америке, в Нью-Йорке. Нью-Йорк — удивительный город, столица всего мира. В нем высокие здания и желтые такси. А еще — огромный Центральный парк, в котором очень много детских площадок. А еще нигде не от-

мечают Хэллоуин так, как в Америке. Дети наряжаются в маскарадные костюмы, стучатся в дом к незнакомым людям и получают от них конфеты!

И поэтому через несколько недель мы все сядем на самолет и полетим в Нью-Йорк.

— Вот, — выдохнула мама. Она была похожа на водолаза, который только что всплыл на поверхность воды после длительного погружения и наконец задышал.

Папа тоже облегченно улыбнулся.

Я смотрела на родителей с подозрением. Если все так хорошо, как они рекламируют, почему такая конспирация? Чего-то они недоговаривают...

— И мне тоже достанутся конфеты на Хэллоуин? — спросила я.

— Конечно, — улыбнулась мама и отпустила мою руку. — Целая корзина.

— И в Центральном парке я тоже буду гулять? И играть на детских площадках?

— Обязательно, — ответил папа и тоже отпустил мою руку.

Нет, все же что-то здесь не то...

— А где мы там будем жить?

— У нас будет большая квартира в высоком доме в одном из самых красивых районов Нью-Йорка.

— А я буду там ходить в школу?

— Да, ты станешь там лучшей ученицей.

В это время у Грехов опять закукарекал бешеный петух.